
Изъ бумагъ Н. Н. Страхова.

I.

Ц ѣ л ь ж и з н и .

Цѣль нашей жизни для него
Была згнѣнчивой загадкой:
Надъ ней онъ голову ломалъ
И—чудеса подозревалъ!

Пушкинъ.

I.

Мы ежедневно читаемъ что старинный и важный вопросъ: для чего мы живемъ на свѣтѣ? — теперь уже не составляетъ вопроса. Повидимому, въ образованномъ мѣрѣ всѣмъ уже стала ясна та цѣль для которой мы должны жить и трудиться. Эта цѣль — благо челоѣчества. Кто стремится къ этой цѣли, кто такъ или иначе содѣйствуетъ успѣхамъ рода челоѣческаго, о томъ говорятъ что онъ сдѣлалъ изъ своей жизни надлежащее употребленіе, что онъ исполнилъ назначеніе челоѣка.

Мысли эти—новыя, недавнія. Онѣ появились и могли появиться только тогда когда появилось понятіе прогресса, то есть представленіе что челоѣчество идетъ все къ лучшему и лучшему состоянію. Дѣтъ триста или четыреста тому назадъ лишь немногіе питали подобное представленіе которое теперь такъ распространено и общепринято. Прежде люди не знали прогресса, не имѣли этой сіяющей и возбуждающей надежды, а думали что живутъ среди повторяющихся переходовъ то къ лучшему, то къ худшему, или даже—что все идетъ хуже и хуже, что золотой вѣкъ далеко позади. Но наконецъ челоѣчество почувствовало что попало на какую-то твердую дорогу, что оно дѣйствительно движется впередъ въ извѣстномъ направленіи. Понятно какъ велика была радость подобнаго открытія. Эта радость укрѣплялась и увеличивалась съ каждымъ новымъ

шагомъ прогресса, и теперь мысль о поступательномъ движеніи челоѳчества стала, можно сказать, самою дорогою мыслию образованныхъ людей. Тѣ чья дѣятельность по самому роду ихъ занятій простирается на большія, неопредѣленно расширяющіяся области особенно горячо исповѣдуютъ и вѣру въ прогрессъ, и обязанность служить ему. Таковы: ученые, писатели, художники, политическіе дѣятели, изобрѣтатели, путешественники и т. д.,—а это тѣ самые люди которые имѣютъ наибольшее вліяніе на мнѣнія публики и пользуются въ ней наибольшимъ авторитетомъ. Они-то и внушили всѣмъ убѣжденіе что высшая задача челоѳческой жизни есть содѣйствіе общему благу челоѳчества.

Казалось бы, что же можетъ быть лучше такой цѣли? Если мы увѣрены что общее благо дѣйствительно существуетъ, что его нарастаніе не только возможно, но и дѣйствительно происходитъ и что этому нарастанію нѣтъ предѣла во времени, нѣтъ опасности перейти въ разрушеніе, то для такого блага мы, конечно, будемъ готовы всячески трудиться, охотно станемъ для него жертвовать удобствами, здоровіемъ, даже жизнью, потому что тутъ намъ дастся случай удовлетворить самымъ высокимъ потребностямъ и стремленіямъ души. Жить не для себя, а для другихъ—не это ли давнишнее правило истинной нравственности и истиннаго счастья? Кто живетъ для челоѳчества тотъ, очевидно, исполняетъ это правило и если убѣжденъ въ успѣшности своихъ усилій, можетъ чувствовать себя вполне спокойнымъ и довольнымъ.

Такъ это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ мы видимъ отсюда какія свойства долженъ имѣть тотъ предметъ который люди бываютъ согласны признать цѣлюю своей жизни. Для этого нужно чтобы то чему мы служимъ не ограничивалось нашею краткою и хрупкою жизнью, чтобы это было нѣчто вѣчное или, по крайней мѣрѣ, безгранично существующее, какъ челоѳчество. Потомъ нужно чтобы передъ этою цѣлюю отступали назадъ всякія другія, чтобы она стояла выше какихъ бы то ни было другихъ стремленій; такъ, всѣ частныя людскія блага естественно теряютъ свое значеніе въ сравненіи съ общимъ благомъ челоѳчества, а выше этого блага уже нѣтъ ничего и быть не можетъ. Наконецъ, эта цѣль должна быть вполне ясна и движеніе къ ней вполне возможно; такъ, мы въ настоящее время смѣло рѣшаемъ, чего требуетъ общее благо людей и что ему противорѣчить, и не мало есть дѣлъ которые мы прославляемъ какъ подвиги совершенныя на пользу рода челоѳче-

скаго, не мало есть славныхъ именъ которые мы поминаемъ какъ благодѣтелей челоѳчества.

II.

Есть, однакоже, еще одно условіе которое необходимо долженъ исполнять предметъ признаваемый цѣлюю жизни. Эта цѣль должна быть видима и доступна *каждому* челоѳку, или, еще точнѣе, должна быть такова что ее возможно сдѣлать видимою и доступною каждому. Нравственное правило, то-есть верховное правило жизни, непремѣнно должно быть пригодно для всѣхъ: каждый челоѳкъ есть существо нравственное, то-есть способное и обязанное исполнить истинно челоѳческое назначеніе. Этому научила насъ религія, сила которой въ томъ и заключается что она никого не отвергаетъ, что для нея дѣйствительно всѣ равны и каждому дается надежда и возможность достигнуть даже высшей ступени на пути къ высшей цѣли конечнаго существа. Если мы поступимъ иначе, если поставимъ такую цѣль что одни могутъ ее достигать, а для другихъ она вовсе недоступна, то мы признаемъ между людьми величайшее неравенство съ которымъ они никогда не помирятся. Какъ бы велико ни было благо которое мы успѣли открыть, оно будетъ лишь мученіемъ для тѣхъ кто лишенъ его и никогда не можетъ на него надѣяться. Эти обездоленные скажутъ что мы впали въ большую нелѣпность, — хотѣли найти для нихъ цѣль жизни, а вмѣсто того—отняли у нихъ эту цѣль.

Попробуемъ примѣнить это рассужденіе къ понятію о благѣ челоѳчества. Можетъ ли каждый *знать* въ чемъ заключается это благо? А если положимъ что всѣмъ возможно имѣть нѣкоторое познаніе этого блага, то всякій ли *имѣетъ силы* для дѣятельности въ пользу челоѳчества?

Безъ сомнѣнія, нѣтъ и нѣтъ. О челоѳествѣ взятомъ какъ одно цѣлое и о томъ чего требуетъ польза этого всецѣлаго челоѳчества мы можемъ составлять себѣ только смутныя и гадательныя предположенія изъ которыхъ никакъ нельзя вывести ясныхъ и твердыхъ правилъ для поведенія каждаго отдѣльнаго челоѳка. Чтобы пояснить нашу мысль сошлемся на мнѣнія недавно высказанныя въ одномъ изъ органовъ нашей печати. Разсужденія о челоѳествѣ дѣло самое обыкновенное, но рѣдко мы встрѣчамъ такія поучительныя какъ слѣдующія:

„Всякое живое существо, будь то индивидуумъ или коллективность, нуждается въ координирующихъ центрахъ и органахъ *безъ которыхъ оно не можетъ существовать*. У человѣка есть голова; у общества составленнаго изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и представляющаго собою живое коллективное существо роль главы играетъ правительство. Но помимо общества есть еще другая, болѣе обширная, *живая коллективность* называющаяся *человѣчествомъ*; и вотъ она-то и остается до сихъ поръ *безголовю* благодаря чему между обособленными частями ея, т. е. между отдѣльными народами, и господствуетъ теперь такой вопиющій разладъ. Но если у *человѣчества* нѣтъ „головы“, нѣтъ общаго координирующаго центра, то *его надо создать*“¹⁾.

Мы подчеркнули тѣ слова изъ которыхъ видно какое противорѣчивое существо есть *человѣчество*. Оно живое, но не имѣетъ самаго важнаго органа—головы; оно есть коллективность, но между его членами господствуетъ вопиющій разладъ. Какъ же дѣйствовать во благо такого существа? У отдѣльнаго человѣка, въ случаѣ опасности, я буду всего старательнѣе охранять голову и могу служа желаніемъ этой головы содѣйствовать благу всего тѣла. Но какъ помогать и служить безголовому существу, въ которомъ нѣтъ никакого единства? Многие истинно добрые люди уже давно питаютъ желаніе какъ-нибудь устранить разладъ между частями *человѣчества*, проповѣдуютъ братство народовъ, уничтоженіе войнъ и т. д. Но, во-первыхъ, это одна проповѣдь и ея еще не достаточно чтобы побѣдить противодѣйствіе другихъ силъ и понятій подчиняющихъ себѣ людей. Авторъ приведенныхъ нами строкъ справедливо указываетъ что для водворенія мира въ *человѣчествѣ* необходимо чтобъ у него была голова которой до сихъ поръ ему не достаетъ. А какимъ же образомъ она можетъ появиться? Нашъ авторъ дальше объясняетъ что голова эта представляется ему въ видѣ „международнаго парламента или сената“; но подобное предположеніе, конечно, очень неосновательно. Не такъ-то легко *создать* голову существу у котораго она не вырастаетъ отъ природы сама собою. Чтобы въ живомъ тѣлѣ былъ центральный органъ для этого необходимо чтобы всѣ части этого тѣла были въ связи между собою, чтобы въ немъ уже было то единство для котораго главный органъ служить средоточіемъ. Центръ возможенъ только тогда когда намъ дана окружность. Если мы теперь посмотримъ какими силами свя-

зывались и связываются люди въ большія группы обществъ, государствъ, союзовъ, вообще въ живыя группы которыя не лишены головы, у которыхъ голова выростала естественнымъ порядкомъ, то увидимъ что нѣтъ возможности найти подобныя связи во всемъ *человѣчествѣ*, что нельзя его проникнуть какъ-нибудь единствомъ подобнымъ тому какое существуетъ, напримѣръ, между членами государства основаннаго на известной народности. А пока этого не будетъ, пока дѣйствуютъ тѣ силы которыя до сихъ поръ соединяли людей,—*человѣчеству* суждено оставаться безъ головы.

III.

Но положимъ что все *человѣчество* образуетъ одну республику, такъ что если мы будемъ полезнымъ членомъ республики, то тѣмъ самымъ будемъ служить всему *человѣчеству*. И въ такомъ случаѣ вопросъ еще далеко не рѣшенъ. Нужно было бы еще спросить себя: какъ и въ чемъ мы можемъ быть полезными? Что именно намъ слѣдуетъ дѣлать?

Есть люди которые теперь, пока еще нѣтъ общей республики, считаютъ наилучшею задачею—дѣлать все возможное для подготовленія этой республики, для устраненія препятствій къ ея осуществленію. Конечно, это правильный выводъ, но такую дѣятельность, если даже представимъ что она возможна и имѣетъ ясные пути и средства, нужно заранѣе признать очень трудною, доступною лишь для весьма немногихъ. Поэтому все множество поклонниковъ *человѣчества* ограничивается однимъ тѣмъ что только сторонится ото всякихъ занятій противныхъ космополитизму. Многие образованные люди ни за что не захотятъ стать военными или вообще состоять на какой-нибудь службѣ у правительства. Они выбираютъ для себя занятія такъ-сказать *международныя*, напримѣръ, становятся учеными, профессорами, писателями, художниками, врачами и т. п. Въ древности каждый былъ *обязанъ* служить своему отечеству; но теперь мы гораздо свободнѣе и государство, вслѣдствіе охрапя частныхъ людей, почти ничего отъ нихъ не требуетъ кромѣ легкихъ налоговъ.

Положимъ же что мы такимъ образомъ обрекаемъ свою жизнь на служеніе людямъ вообще, что для насъ всѣ народы и всѣ правительства равны, равно не имѣютъ никакого особаго

¹⁾ *Русскія Вѣдомости*, 1891, 3 окт., стр. 2.

значеній. Спрашивается: что же мы будемъ дѣлать? Какъ пужно поступать чтобы приносить пользу людямъ?

Отвѣчать на это, повидимому, легко и нѣтъ ничего обыкновеннѣе какъ смѣлая сужденія объ общей пользѣ. Но если мы, откинувъ ходячія фразы, станемъ серьезно вдумываться въ дѣло которое хотимъ поставить цѣлю своей жизни, то увидимъ тутъ очень трудный и сложный вопросъ. Очень трудно рѣшить въ чемъ состоитъ истинное благо и наибольшая нужда людей и удостовѣриться въ томъ что наши дѣйствія ведутъ къ этому благу, не порождаютъ вреда, удовлетворяютъ дѣйствительной и самой насущной потребности. У Гипократа есть наставленіе врачамъ что когда они приступаютъ къ лѣченію, то первую ихъ заботою должна быть мысль: какъ бы не повредить больному? Это правило, кажется, совершенно пригодно и для всякаго общественаго дѣятеля. Какъ у врача всегда есть возможность усилить болѣзнь или даже уморить больного и часто вовсе недостаетъ средствъ и умѣнія вылѣчить и спасти отъ смерти, такъ и во всякой общественной дѣятельности зло и вредъ несравненно возможнѣе чѣмъ прямая и несомнѣнная польза. Ибо путь добра всегда одинъ, всегда тѣсенъ и труденъ, а путей зла безчисленное множество и они очень легки.

Какое бы поприще мы себѣ ни выбрали, мы поэтому вездѣ найдемъ раздѣленіе, борьбу нѣсколькихъ направленій. И старое борется съ новымъ, и приверженцы того и другаго тянутъ въ разныя стороны. Противники очень часто называютъ другъ друга врагами рода человѣческаго—и это понятно, потому что каждый считаетъ себя благодѣтелемъ человѣчества, а другіе ему мѣшаютъ. Такимъ образомъ очень возможно что, задумавъ служить человѣчеству, мы не попадемъ на сторону его истинныхъ друзей. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало усердныхъ ученыхъ идущихъ по ложному пути, художниковъ распространяющихъ только соблазнъ и легкомысліе, мыслителей стоящихъ за отжившія и уродливыя начала? Есть и не мало примѣровъ что люди всю жизнь горячо трудившіеся для извѣстной цѣли подъ конецъ открывали свою жестокою ошибку и съ сокрушеніемъ смотрѣли на свою дѣятельность.

IV.

Мы не видимъ этихъ опасностей, потому что мы вѣдь не совершаемъ **никакого** выбора, а обыкновенно прямо примыка-

емъ къ тому что уже дѣлаютъ другіе. Ученый повторяетъ и развиваетъ взгляды и приемы разработанные до него цѣлою школою ученыхъ; религіозный дѣятель несетъ міру проповѣдь началъ давно возвышенныхъ; политическій и социальный агитаторъ служить партіи до него составившейся и т. д.

Вообще говоря, все мы только подражатели и послѣдователи, подчиняемся теченіямъ въ которыя случайно попали и которыя глубиною и могуществомъ далеко превосходятъ наши личныя силы. Поэтому мы и не можемъ сами ручаться за вѣрность пути по которому идемъ, за то что мы дѣйствительно помогаемъ прогрессу, а не задерживаемъ его или даже не поворачиваемъ назадъ.

Тутъ остается одинъ выходъ—признать что всякое общественное движеніе рано или поздно обращается въ пользу прогресса, что разногласіе и борьба есть даже непремѣнное условіе для выясненія истиннаго пути. Слѣдовательно, нечего долго раздумывать надъ выборомъ и поддаваться безплодному колебанію и раздумью. Главное—чтобы мы не спали; было бы движеніе, а польза ужъ непременно будетъ. Многіе очень крѣпко держатся за это ученіе, и попятно почему: оно снимаетъ тяжесть съ ихъ совѣсти, оно развязываетъ имъ руки. Приятно думать что служба человѣчеству представляетъ такія удобства льготы. Каждый можетъ свободно отдаваться своимъ соображеніямъ объ общемъ благѣ и стремиться привести въ исполненіе то что придумаетъ. Нужно стараться только о томъ чтобы не было застоя въ исканіи этого блага и—тогда оно будетъ достигаться несмотря на то что мы по нашей глупости или безсердечію выбрали себѣ дѣятельность, въ сущности вредную для дѣла. Въ общемъ движеніи изъ этого вреда въ концѣ концовъ получится польза. У вѣрующихъ въ такой прогрессъ есть даже поговорка: *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше*, то-есть чѣмъ больше развивается зло, тѣмъ оно яснѣе себя обличаетъ и принуждаетъ людей выходить на путь блага.

Отсюда большое поощреніе всякой самостоятельности. Многіе начинаютъ рѣшать вопросы ab ovo, отъ самаго корня, смѣло довѣряя своимъ силамъ и легко уклоняясь отъ самыхъ могущественныхъ и глубокихъ теченій существующихъ вокругъ нихъ. Такимъ образомъ на всякихъ поприщахъ общественной жизни теперь является множество людей составляющихъ свое особое понятіе объ общемъ благѣ, поваторовъ и реформаторовъ. Ихъ увлекаютъ обыкновенно какія-нибудь одностороннія и узкія мысли, трудно приложимыя или даже вовсе невозможныя. Во вся-

комъ случаѣ возникаетъ борьба въ которой часто жестоко страдаетъ или общество, или самъ новаторъ, пока дѣло не разъяснится и не войдетъ въ предѣлы возможнаго. Но какой бы результатъ ни получился, всѣ такіе люди считаются въ настоящее время чуть ли не лучшею солью земли, ибо всѣ они служатъ прогрессу, а въ такой службѣ мы не имѣемъ права отказывать никому. Будетъ ли это невинный мечтатель, бесплодно убивающій свое время на отысканіе „вѣчнаго движенія“, или же страшный динамитчикъ собирающійся погубить тысячи людей и самъ погибнуть, либеральная теорія прогресса не видитъ и тутъ бѣды. Она утверждаетъ что и эти *движенія* какъ всякія другія приведутъ въ концѣ концовъ къ добру, что всегда нужно надѣяться на благодѣтельную реакцію, на силы ума вызываемыя на борьбу зломъ и заблужденіемъ.

Конечно, такъ; конечно, слѣдуетъ вѣрить что безуміе и злодѣйство не могутъ окончательно восторжествовать. Можно утѣшать себя такими мыслями глядя на міръ съ высоты птичьяго полета. Но если мы сами какъ-нибудь участвуемъ въ мировомъ движеніи, то для каждаго изъ насъ, взятаго отдѣльно, тутъ мало утѣшительнаго. Какая мнѣ радость если я не знаю, не иду ли я самъ по ложному и вредному пути, не служу ли я людямъ только какъ спасительный примѣръ или какъ проявленіе зла съ которымъ имъ нужно бороться? Есть поклонники прогресса которые довольно сознательно рѣшаются на такую роль, рѣшаются дѣйствовать въ потемкахъ, увлекаемые избыткомъ силъ.

II.

Письмо V о нигилизмѣ *).

„Нигилизмъ есть прежде всего—отрицаніе.“ Поэтому „все что можетъ служить опорой для отрицанія, все что даетъ отрицанію разумность и право—все идетъ въ прокъ нигилизму“. И такъ какъ „безобразія которыми преисполнена русская жизнь составляютъ очень распространенную и общедоступную пищу отрицанія“, то „можно сказать что каждое безобразіе творимое нынѣ на русской землѣ имѣетъ своимъ непосредственнымъ слѣдствиемъ, между прочимъ, и усиленіе нигилизма, отражается въ его пропорціональномъ наращеніи“.

*) Четыре письма о нигилизмѣ помѣщены во второй книгѣ „Борьбы съ Западомъ“.

Отчего же мы не говоримъ объ этой сторонѣ дѣла? Отчего мы не разсматриваемъ этого источника нигилизма? Оттого что главная сторона нигилизма есть безо всякаго сомнѣнія его идеальная сторона, что онъ порождается и питается существеннымъ образомъ отвлеченными мыслями и настроеніями, а не какими-нибудь конкретными интересами и потребностями. Хотя онъ постоянно ищетъ себѣ поводовъ и опоръ въ окружающей жизни, но, въ сущности, онъ чуждъ дѣйствительности: онъ не имѣетъ въ ней корней. Въ этомъ его сила и въ этомъ же его слабость. Если бы кто вздумалъ защищать нигилизмъ, то онъ могъ бы искать ему оправданія именно только въ увлеченіи идеями, въ преданности извѣстнымъ мыслямъ. Нигилисты, какъ отвлеченные безумцы, какъ помѣшанные теоретики, всего больше могутъ внушать намъ къ себѣ снисхожденіе. Но сами они, какъ извѣстно, ни за что не хотятъ такой постановки вопроса. Они непременно желаютъ быть выразителями и представителями реальныхъ требованій и нуждъ, они упорно ссылаются въ свое оправданіе на всяческія бѣдствія и притѣсненія, и личныя и общія, при чемъ общія, конечно, ставятся далеко впереди. Они хорошо чувствуютъ что безъ этихъ притязаній, безъ такой ссылки на реальные интересы они теряютъ всѣ права дѣйствовать, лишаются всякаго оправданія. Они непременно хотятъ быть политическими дѣятелями, тогда какъ, въ сущности, они—оторвавшіеся ото всякой жизни фанатики. За ними ничего не стоитъ, они не представляютъ собою никакого опредѣленнаго требованія, никакой конкретной нужды.

И въ этомъ, какъ я уже сказалъ, все горе. Ибо не только не было бы зломъ, а было бы истинною пользою настоятельное заявленіе какого-нибудь вполне реального требованія, обнаруженіе настоящихъ нуждъ нашей жизни. Если бы мы имѣли предъ собою ясную картину нуждъ требующихъ удовлетворенія, то мы знали бы чего намъ добиваться и требовать, а власть подъ которою мы живемъ знала бы какъ ей дѣйствовать. Къ несчастію, у насъ дѣло идетъ совершенно иначе. У насъ господствуютъ съ той и другой стороны совершенно отвлеченныя разсужденія, совершенно фантастическія требованія, и нигилизмъ есть только одно изъ яркихъ проявленій нашей общей путаницы, того отсутствія реальной содержательности мыслей и стремленій которымъ отличается наша общественная жизнь.

Нигилисты—не возбудители вопросовъ, а люди которые уже все порѣшили, уже нашли себѣ образъ дѣйствія и не думаютъ.

а дѣлають. По ихъ дѣламъ, по результатамъ къ которымъ ихъ привело отрицаніе мы сейчасъ видимъ какого свойства это отрицаніе, видимъ что оно было извращено уже въ самомъ своемъ началѣ, и объ этомъ-то извращеніи мы и говорили. Заботиться о благѣ Россіи и стремиться искоренить въ ней всякое зло—о, что можетъ быть лучше такого занятія? И кто рѣшится осуждать людей которые ему предаются? Но пусть же тѣ кто избралъ себѣ эту специальность немножко подумаютъ о томъ какъ слѣдуетъ надлежащимъ образомъ въ ней упражняться. Мы всѣ вѣдь обличители, мы всѣ бранимся съ утра до вечера, безошадно критикуя все что попало, а больше всего правительство, ибо мы прежде всего политики. По странному свойству души человѣческой мы, однако, часто пойдемъ дальше этой болтовни, мы ея вполне насыщаемся, мы бываемъ довольны словами, мы работу языка принимаемъ за настоящее дѣло. Злословіе приводитъ насъ не въ печаль и раздумье, а въ пріятное расположеніе духа. Между тѣмъ отрицаніе, какъ я сказалъ, есть только возбужденіе вопроса. Если бы всѣ эти политики, и нигилисты и всякіе другіе, умѣли сначала хорошенько поставить вопросъ, а потомъ сдѣлать хоть какой-нибудь самый начальный шагъ къ его рѣшенію, то при безчисленномъ множествѣ этихъ работающихъ языковъ отсюда должна бы, очевидно, произойти безмѣрная польза для общаго дѣла.

Но вѣдь мы этого-то и не дѣлаемъ; мы только возбуждаемъ вопросы, а разрабатывать ихъ мы спокойно предоставляемъ кому-то другому, — властямъ, прогрессу, времени, человечеству. Мы не дѣлаемъ этого прежде всего потому что не умѣемъ этого дѣлать. Злоститься и пересуживать мы очень хорошо умѣемъ, но разсуждать мы менѣе способны. Главное же—у насъ, очевидно, нѣтъ настоящаго, живаго интереса къ тому дѣлу о которомъ мы злословимъ. Отрицаніе и можетъ быть плодотворно, и непременно будетъ плодотворно только тогда, когда оно совершается въ интересѣ обсуждаемаго дѣла, изъ любви къ нему, изъ желанія дать ему наилучшій ходъ. Если, напримѣръ, я отрицаю существующую вѣру во имя лучшей вѣры, существующую науку во имя лучшей науки и т. п., то я дѣйствую въ интересѣ самой вѣры, науки, изъ любви къ нимъ, и тогда мое отрицаніе можетъ быть имъ полезно. Такъ точно и во всѣхъ другихъ вещахъ. Обсуждая государственные, общественные и нравственные порядки, мы можемъ исходить изъ приверженности къ основамъ этихъ порядковъ, изъ стремленія осуществить эти основы въ гораздо лучшихъ формахъ; тогда наши усилія пойдутъ въ прокъ обсуждаемому дѣлу.

дуть въ прокъ обсуждаемому дѣлу. Если бы такъ дѣйствовали, не говорю—всѣ наши отрицатели, а хотя бы малая ихъ доля, то какіе бы удивительные успѣхи сдѣлала Россія! Любить какое-нибудь дѣло, работать надъ нимъ долгіе годы и подвинуть его хотя на шагъ впередъ или, все равно,—любить какую-нибудь мысль, долго трудиться надъ ея развитіемъ и довести ее до ясности и твердости—вотъ вѣдь единственное средство сдѣлать что-нибудь истинно полезное. Положительное дѣло можетъ совершаться только положительными силами. И потому если мы довольствуемся однимъ отрицаніемъ, то всего вѣрнѣе—у насъ нѣтъ силъ и побужденій для положительной пользы.

То отрицаніе изъ котораго рождается нигилизмъ не имѣетъ нормальнаго характера, — именно, содержитъ въ себѣ не участіе къ окружающей жизни, а отчужденіе отъ нея, вражду къ ней.

Вражда противъ окружающей жизни — вотъ явленіе все больше и больше водворяющееся въ образованномъ мірѣ, самый несомнѣнный признакъ грядущаго ему разложенія. Историки, юристы, политико-экономы все продолжаютъ говорить о какихъ-то интересахъ и потребностяхъ неразрывно связывающихъ людей въ общество и строй, опредѣляющихъ законы и формы этого общества. Между тѣмъ отдѣльные члены общества все чаще и чаще отрываютъ себя отъ этой общей связи, не признаютъ этихъ интересовъ и потребностей и чуждаются всякихъ формъ и законовъ. Въ силу привычныхъ понятій, человѣкъ легко становится въ нравственномъ и умственномъ отношеніи верховнымъ судьей окружающей жизни, а въ практическомъ отношеніи верховною цѣлью для которой она должна быть средствомъ. Онъ отдѣляетъ себя отъ окружающей жизни и дѣлаетъ себя, съ одной стороны, ея зрителемъ, а съ другой стороны—ея эксплуататоромъ. Онъ не подчиняется ничему въ своихъ сужденіяхъ и не видитъ ни въ чемъ предмета которому обязанъ былъ бы служить беззавѣтно. Онъ самъ ничему не принадлежитъ, а только ему могутъ принадлежать и служить тѣ или другія явленія и формы жизни. Такъ, напримѣръ, онъ, будучи членомъ известнаго государства, считаетъ государство себѣ слугою, а не наоборотъ.

Въ такомъ оторванномъ отъ жизни положеніи могутъ быть всякаго рода люди—и добрые и злые, и умные и глупые. По внутренняя логика дѣла неизбежно ведетъ ихъ по опредѣленнымъ путямъ. Они естественно дѣлаются отрицателями, и даже чѣмъ тоньше, умнѣе, благороднѣе существо ихъ, тѣмъ глубже и полнѣе можетъ разрастись въ нихъ отрицаніе. Жизнь на ко-

торую они смотрятъ какъ на развертывающуюся предъ ними картину можетъ оскорблять ихъ своими безчисленными безобразіями, и они, не участвуя въ ней сами, не входя въ тяжкій ея трудъ, не раздѣляя ея стремленій и неудачъ, легко могутъ съ отвращеніемъ отвернуться отъ ея зрѣлища. Такъ бываетъ съ душами пѣжкими, настроенными эстетически и потому нерѣдко не мирящимися съ жизнью и уходящими отъ нея. Но люди другого склада, болѣе твердые и настроенные практически, попадаютъ на другой путь. Въ нихъ картина жизни въ которой они не хотятъ участвовать легче возбуждаетъ гнѣвъ, раздраженіе, и она все болѣе и болѣе проникается къ ней не отвращеніемъ, а даже ненавистію. У такихъ является не желаніе уйти отъ жизни, а стремленіе разрушить ее.

Жизнь, вѣдь, вообще весьма несовершенна, всегда и вездѣ представляетъ много зла; всякая дѣятельность человѣческая исполнена неудачъ, ошибокъ, затрудненій. Если человѣкъ самъ участвуетъ въ жизни, если онъ раздѣляетъ ея стремленія и борется съ ея превратностями, если онъ притомъ не вовсе ослѣпленъ собою и потому въ самомъ себѣ открываетъ житейское зло,—то онъ судить о жизни болѣею частію снисходительно. Если же кто смотритъ на жизнь какъ на дѣло ему чужое, если онъ ничего въ ней не любитъ, а только всего отъ нея требуетъ, то ему легко впасть въ роль строгаго и высокоумнаго судьи. Тогда онъ ищетъ одного зла и, конечно, всюду его находитъ.
